СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

УДК 008

DOI: 10.18384/2310-7227-2021-2-23-30

ПСЕВДОМОРФОЗ, СУПЕРПОЗИЦИЯ МОДЕЛЕЙ КУЛЬТУРЫ И ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ СИНТЕЗ

Золкин А. Л.

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя

117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Рассмотреть соотношение псевдоморфоза, суперпозиции культурных моделей и цивилизационного синтеза.

Процедура и методы. С целью более эффективного исследования данной проблемы автор использовал следующие методологические средства: общенаучные и частнонаучные методы – дедукции и индукции, восхождения от абстрактного к конкретному, анализа, синтеза, обобщения, социально-философского анализа, герменевтический метод.

Результаты. Проведённый анализ показал, что российская цивилизация интерпретируется как специфическая социосистема, историческое развитие которой демонстрирует композитные свойства. Цивилизационный дискурс понимается как основная стратегия осмысления особенностей исторического развития России. Обосновывается необходимость формирования системно-эволюционной модели развития российской цивилизации.

Теоретическая и/или практическая значимость. Обобщён новый материал по исследуемой теме, уточнено соотношение псевдоморфоза, суперпозиции культурных моделей и цивилизационного синтеза.

Ключевые слова: цивилизация, культура, социосистема, псевдоморфоз, синтез, композитная система, культурная эволюция, базовые культурные ценности, личность

PSEUDOMORPHOSIS, SUPERPOSITION OF CULTURAL MODELS AND CIVILIZATIONAL SYNTHESIS

A. Zolkin

Moscow University of the MIA of Russia named after V. J. Kikot

12 Academician Volgin ul, Moscow 117997, Russian Federation

Abstract

Aim. To consider the relationship between pseudomorphosis, superposition of cultural models and civilizational synthesis.

Methodology. In order to more effectively study this problem, the author used the following methodological means: general scientific and specific scientific methods - deduction and induction, ascent from the abstract to the concrete, analysis, synthesis, generalization, socio-philosophical analysis, hermeneutic method.

Results. The analysis showed that Russian civilization is interpreted as a specific socio-system, the historical development of which demonstrates composite properties. Civilizational discourse is understood as the main strategy for comprehending the features of the historical development of Russia. The necessity of forming a system-evolutionary model of the Russian civilization development is substantiated.

Research implications. The material on the topic under study is summarized, the correlation of pseudomorphosis, superposition of cultural models and civilizational synthesis is clarified.

Keywords: civilization, culture, sociosystem, pseudomorphosis, synthesis, composite system, cultural evolution, basic cultural values, personality

Введение

Лейтмотив философского дискурса о специфике российской цивилизации задаётся двухвековым спором условных западников и славянофилов, имеющим ярко выраженный аксиологический контекст выбора «правильного-неправильного» пути исторического развития страны. Наша задача заключается в поиске выхода из тупиков аксиологической модели цивилизационного дискурса с целью перехода к системной концепции цивилизаций, обладающих исторической субъектностью и специфической культурной интенциональностью.

Условные западники, абсолютизируя в своём просветительском доктринёрстве европоцентристские модели социальных практик, задавали такое видение России, которое пренебрегало системными характеристиками её развития, условные же славянофилы в романтическом духе указывали на «магическую реальность» допетровского Средневековья, воплощающую сущность России в максимально совершенном виде [12]. Философская оппозиция «просвещение – романтизм» во многом сформировала традицию обсуждения проблемы российской цивилизации [13]. Общей предпосылкой этой оппозиции было понимание исторического процесса в контексте выбора «правильных-неправильных» путей развития.

Попытка синтезировать обе позиции породила жутковатую метафору «псевдоморфоза» Освальда Шпенглера, согласно которой русская культура развивается в чуждой себе форме европейской культуры.

Понятие псевдоморфоза и его смысловые оттенки

Обычно термин «псевдоморфоз» применяется по отношению к кристаллу, который повторяет форму другого минерала. «В слой скальной породы, – писал Шпенглер, – включены кристаллы минерала. Но вот появляются расколы и трещины; сюда просачивается вода и постепенно вымывает кристалл, так что остается одна пустая его форма» [11, с. 193]. А далее вулканическая лава затвердевает в пустотах, создавая своего рода ложные кристаллы, чья внутренняя структура не соответствует внешнему строению. Далее Шпенглер переходит к историческим псевдоморфозам, сутью которых является скользящее действие старой культурной формы, по отношению к культуре молодой, которая в результате подобного «пленения» не может достичь полноты развития своего самосознания и развёртывания собственной созидательной мощи [11, с. 197].

Пример исторического псевдоморфоза для Шпенглера – Петровская Россия: «Примитивный московский царизм – это единственная форма, которая в пору русскости ещё и сегодня, однако в Петербурге он был фальсифицирован в династическую форму Западной Европы» [11, с. 198]. А в чём именно он видит фальсификацию? Оказывается, русское общество является всего лишь продуктом западной литературы, Москва – это город-морок, крепость, окружённая рынком, населённая «интеллигенцией» с её вычитанными из книг проблемами, а далее – народ, «с постоянной тоской по земному простору и горькой ненавистью к каменному дряхло-

му миру, в котором замкнул их Антихрист» [11, с. 198].

Шпенглер создал удобную концептуальную матрицу, в которую устремилась общественная мысль, чтобы преодолеть ограниченность традиционного спора западников и славянофилов. Инструментальная значимость метафоры псевдоморфоза была оценена исследователями, в том числе и русскими. В частности, эта метафора появляется в известной работе Георгия Флоровского «Пути русского богословия». Негативно оценивая влияние киевской учёности на русское православие, Флоровский определял этот процесс как «сдачу в плен», результатом чего и стала «...псевдоморфоза религиозного сознания, псевдоморфоза православной мысли...» [8, с. 56].

В дальнейшем метафору подхватили российские философы и публицисты, не чуждые традиционной проблемы выбора «правильных-неправильных» путей общественного развития. «Таким образом, демократия в России всё больше становится оболочкой псевдоморфного механизма, – пишет С. А. Королёв, – имеющей совсем не демократическое содержание» [2, с. 85]. По мнению автора, этот механизм долго существовать не сможет, он исчезнет и, в конце концов, либо уступит место чисто авторитарным методам, либо даст простор развитию гражданского общества.

Подобный вывод представляется несколько прямолинейным. А что, если никакого исчезновения не будет, и один псевдоморфный механизм лишь заменится другим? И это не российский фатум, а реалии сегодняшнего дня, когда уже ни одна страна в мире не может похвастаться «чистой» демократией. Кроме того, шпенглеровское описание псевдоморфоза вполне применимо и для западноевропейской культуры: варварские народы заполнили пустую скорлупу греко-римской цивилизации, в том числе и скорлупу греческой идеи демократии.

Пока исторический псевдоморфоз представляет собой лишь метафору, снабжённую спорными и несколько скандальными

комментариями. Вместе с тем специфическая суперпозиция культурных моделей, наложение их друг на друга – объективный процесс в развитии человечества, предпосылка появления синтетических цивилизаций. Подобный процесс был описан евразийцами для одной фазы развития русской цивилизации.

Они представили видение России как уникальной евразийской цивилизации, но только для двухсотлетнего периода Московской Руси, а не для петербургского периода, который, подобно «коту Шрёдингера», так и остался в состоянии суперпозиции, конфликта европеизированных верхов и патриархальных низов.

Н. С. Трубецкой всячески подчёркивал колоссальную ценность тюрко-монгольского импульса для геополитической интеграции восточной Евразии, указывая при этом, что культурообразующие смыслы формировались не как имитация ордынских смыслов, а в результате творческой переработки трагического исторического опыта [10]. Эта переработка, в свою очередь, создавала русскую культурную традицию, порождала идеализацию прошлого, причём не того прошлого, которое было отмечено поражением при Калке, а прошлого былинного, легендарного, выходящего за пределы ограниченного опыта общины. Эта традиция была положена в основу национального самосознания вместе с византийской государственной идеологией и ордынской геополитической миссией. В результате получилась культурная матрица цивилизационного масштаба.

Таким образом, подлинно русское, евразийское государство возникает не столько как форма самораскрытия неких исконных этнических начал, сколько как результат суперпозиции культурных моделей, соответствующего цивилизационного масштаба, в данном случае: византийского православия и государственной идеи с ордынской геополитической задачей. Результатом этой суперпозиции стал цивилизационный синтез Московской Руси.

Петербургский период российской истории рассматривался евразийцами как сущностное отрицание Московского этапа, сопровождавшееся внешним пародированием романо-германского образца. Оценка петербургского периода русской истории евразийцами крайне отрицательная. Можно сказать, что суперпозиция была, но синтез не состоялся. Возможно, пока не состоялся, хотя в публицистике та идея, что сегодня Россия становится своего рода Европой, но Европой классической, существовавшей до постмодернистской мутации, получает всё большую популярность.

Культурный синтез и суперпозиция культурных моделей

Неудавшийся синтез обнажает антистетическую природу предшествующей суперпозиции, которая выливается в псевдоморфозы, порождая гражданскую войну и последующий переход к новой суперпозиции: «Российская империя – Советский Союз» с проектируемым результатом индустриального коммунизма. Неудача проекта привела к новой суперпозиции: «Постсоветское пространство – либеральный глобализм» [15; 16]. Кризис этого проекта во всемирном масштабе ставит на повестку дня новую суперпозицию: «Глобализм – Российская цивилизация как центр панрегиона развития».

Переход между цивилизационными фазами часто бывает весьма болезненным, поскольку синтез планируется для разных возможностей в рамках антистетической реальности. Ю. М. Лотман в своё время указывал на опасности взрыва русской культуры в силу её бинарной природы, которая максимизирует опасность имеющих противоречий. «В бинарных системах взрыв охватывает всю толщу бытия» [4, с. 258]. Он также полагал, что европейские культуры принадлежат не к бинарному, а к тернарному типу. «Тернарная система стремится приспособить идеал к реальности, бинарная – осуществить на практике неосуществимый идеал» [4, с. 258].

Ю. М. Лотман призывал к переключению с бинарной системы на тернарную, к преодолению полярности и максимализма мышления в пользу эволюционного сознания. Таким образом, вопрос нынешнего этапа исторического развития русской культуры заключается не просто в выборе принципов социально-экономической системы или культурных образцов поведения, а в том, чтобы смягчить взрывные процессы, найти такие формы самосознания русской культуры, которые бы не воспроизводили одни и те же механизмы непримиримой ценностной поляризации, радикального переустройства общества. Вместе с тем привычка обвинять русскую культуру в утопизме и иррационализме – не лучший методологический приём, поскольку он опять возрождает старую концепцию «правильных-неправильных» путей, которая восстанавливает традиционный спор западников и славянофилов [14].

На наш взгляд, российская цивилизация – своего рода «композиционная» социосистема. Термин «композиционный» представляет собой техническую метафору, переносящую на цивилизационный процесс принцип строения композиционных материалов, изготовленных из компонентов с существенно различными свойствами, которые в своём сочетании приводят к появлению материалов с новым наполнением, характеристиками, отличными от характеристик отдельных компонентов и не являющимися простой их суперпозицией. Композиционный материал отличается и от сплава, и от смеси. Отличается он и от псевдоморфозы, идея которой наследует устаревшее понимание соотношения формы и содержания. Тем более, что идея ложной формы, безобидная в минералогическом контексте, в контексте философии культуры превращается в понятие, заряженное негативным, если не сказать точнее – расистским, потенциалом.

Н. С. Трубецкой де-факто заметил этот композиционный характер русской цивилизации только для Московского царства, но что мешает в том же ракурсе рассматривать «петербургский» и «советский» пери-

оды? Не исключено, что этому препятствует тот факт, что переход в последующую суперпозицию был слишком быстрым, а синтез – проблематичным. Но синтез всё же был. Петербургский период создал классическую русскую культуру, включая русский литературный язык, как основу цивилизационной интеграции. Советский период создал индустриальную социосистему, реализовал программу модерна не смотря на то, что русский народ особых привилегий в этой социосистеме не имел.

Вопрос о постмодернистских, постсоветских и постлиберальных временах оставим открытым. Отметим, что смена цивилизационных фаз – процесс не только эволюционный, или системно-эволюционный, но и вполне философский. Теория цивилизаций не может рассматриваться как чисто натуралистическая теория, пренебрегающая философским элементом, поскольку цивилизация обладает определённой субъектностью, самосознанием, формированием соответствующей культурной идентичности, для понимания которой более уместны диалектические представления, а не чисто эволюционные.

Например, вполне применима гегелевская категория «для-себя-бытие» – бесконечная определённость, суть которой заключается в умении превращать всё чуждое в своё, восстанавливать себя из инобытия. Отечественные мыслители двести лет были поглощены идеалом органического развития России. Однако цивилизационный путь – это не только геополитическая экспедиция, но и онтологический путь через инобытие, целью которого является не только возвращение к государственной прагматике, но и обретение «для-себя-бытия». Цивилизация не может сформироваться лишь на предпосылках племенного эгоизма, дающего лишь иллюзорную, фиктивную идентичность. Бытие на этапе «для себя» становится своей собственной целью, сознание, проявляет себя как жизнь, превращающая чуждое в своё, в средство сохранения себя в изменчивой среде. В конечном счёте все свойства для-себя-бытия

соединяются в категории абсолютной личности, или абсолютного духа.

Гегелевское понимание «для-себя-бытия» несколько спекулятивное, но в общей форме снабжает нас важной идеей субъектности цивилизации, а не только её системности. Сегодня поиск цивилизационной перспективы развития России является одной из важнейших задач философской науки. Данные исследования формируют новый дискурс, который должен обеспечить осмысление процессов и закономерностей развития цивилизаций.

Диалог культур

Этот дискурс вряд ли может быть построен по законам монологической идеологии. Он предполагает диалог культур, нарративов, культурную полифонию [13]. Уже М. М. Бахтин видел смысл культуры в диалоге, понимая его не как обычный спор, разговор или обмен репликами, а как универсальную характеристику человеческого сознания. Идея диалога была им применена главным образом в литературоведении и эстетике, будучи конкретизированной в понятии полифонии, характерной для творчества Ф. М. Достоевского. «В моём понимании, – писал М. М. Бахтин, – Достоевский – творец полифонического, многоголосого романа, автор романов-диалогов, посвящённых краеугольным устоям бытия. Он настаивал на том, что правда об этих устоях не может быть выяснена в рамках бытия отдельной личности, она попросту неспособна вместиться в сознание индивида. Правда может быть приоткрыта (да и то лишь частично) в процессе общения равноправных человеческих существований, в диалоге между ними» [1; 7].

Заключение

Не пора ли осознать, что не только культуры в их филологическом смысле диалогичны, но и цивилизации во всём объёме своей исторической «материальности» также диалогичны? Закон «вызова-ответа» А. Тойнби, описывающий динамику возникновения цивилизаций, также подраз-

умеает начало цивилизационного диалога, который отражает целостные позиции исторических субъектов, подразумевающие возможность ответа со стороны другого субъекта.

Диалог представляет для цивилизации жизненно необходимую форму существования, поскольку развитая культура обладает способностью к генерированию нового смысла – возможностью давать ответ на вызов, который время ставит перед сообществом, вовлечённым в цивилизационный генезис. Полифонический характер этого генезиса обусловлен ещё и тем, что прозрачная цивилизационная интенциональность – явление в истории крайне редкое, предполагающее стратегическое духовно-пророческое подвижничество скорее, нежели обычную жизненную проницательность или даже героическое воодушевление. Человек может преследовать свои собственные цели, интересы семьи и государства, выступить на защиту веры и традиции, однако мотивироваться идеей цивилизации весьма непросто.

Поэтому цивилизация полифонична, она не обладает завершённым смыслом, её диалог сложен. Классические диалоги Платона раскрывают свой смысл через тему, они эссенциальны, поскольку участники беседы – фигуры условные и безликие. М. М. Бахтина же интересовал диалог экзистенциальный, когда в общении человек обращается к собеседнику не в его объективированном бытии, а в бытии глубинном, когда смысл сливается с личностью, а пред-

мет беседы выступает лишь как повод для личностной встречи. Заметим, что полифония – это тоже метафора. Изначально – это многоголосие, одновременное звучание двух или более мелодий (голосов). Полифония требует гармоничного слияния мелодий (голосов) в единое музыкальное произведение.

Цивилизационный дискурс, по видимому, включает в себя и первый, и второй виды диалога, причем дополняет его и третьим, и четвёртым. Но, так или иначе, должна кристаллизоваться общая тема, совокупность общих смыслов, формирующих специфический культурный этос как основу культурной конфигурации цивилизации.

Культурная конфигурация возникает как следствие переплетения исторических судеб сообществ, сосредоточенных в одном регионе. Для России подобная общность связана с вхождением нескольких народов в состав одного государства. Подобные исторические обстоятельства гармонизируют культурные сходства прежде всего в сфере институциональных средств социальной организации, регуляции и коммуникации при сохранении своеобразия обыденных этнографических культур соответствующих народов. Цивилизационный синтез – это не гомогенный монолит, это единство, сохраняющее многообразие.

Статья поступила в редакцию 02.04.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. В большом времени // Бахтинология: исследования, переводы, публикации. СПб.: Алетей, 1995. 370 с.
2. Королев С. А. Псевдоморфоза как тип развития: случай России // Философия и культура. 2009. № 6. С. 72–85.
3. Лепехин В. А. «Антропологический переворот» в контексте цивилизационного развития России и Европы мира // Социально-гуманитарное обозрение. 2016. № 2. С. 116–123.
4. Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М.: Прогресс: Гнозис, 1993. 272 с.
5. Столетие Русской революции в контексте проблем социальной стабильности и безопасности: материалы всероссийского круглого стола // Философские исследования и современность. Вып. 6. М., 2017. С. 292–322.
6. Стратегия устойчивого развития в контексте политических процессов XXI столетия: коллективная монография. М.: Издательство Московского университета, 2018. 320 с.
7. Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана. М.: Аграф, 1999. 576 с.

8. Флоровский Г. В. Пути русского богословия. Париж, YMCA-PRESS, 1991. 600 с.
9. Цивилизация и модернизация: история и современность: коллективная монография. М.: Издательство СГУ, 2019. 365 с.
10. Цивилизационный суверенитет России: проблемы и дискуссии / С. Р. Аблеев. М.: ИПЛ, 2018. 213 с.
11. Шпенглер О. Закат Европы. Т. 2. М.: Мысль, 1998. 592 с.
12. Бондарева Я. В. Теоретико-методологические основы русской религиозной философии: историко-философский анализ: дис. ... докт. филос. наук. М., 2011. 325 с.
13. Абросимова Т. Я., Бондарева Я. В. Постнеклассическая парадигма и духовно-нравственные основания модернизации образования в России // Современное дополнительное профессиональное педагогическое образование. 2015. Т. 1. № 4 (4). С. 16–26.
14. Майкова Э. Ю., Бондарева Я. В. Будущее автономии личности как риск: способы самозащиты // Власть. 2015. № 8. С. 22–26.
15. Ракитянский Н. М., Колесниченко Ю. В. Потенциал русской философско-психологической школы и методология портретирования личности политика // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2014. № 6. С. 7–30.
16. The problem of society consolidation in the era of globalization: methodological and axiological aspects / V. P. Berkut, Y. V. Bondareva, T. A. Kostyukova, V. P. Maikova, E. M. Molchan, V. A. Pesotsky // Modern Journal of Language Teaching Methods. 2018. Vol. 8. № 5. P. 263–281.

REFERENCES

1. Bakhtin M. M. [In a big time] *Bakhtinology: issledovaniya, perevody, publikatsii* [Bakhtinology: research, translations, publications]. St. Petersburg, Aleteya Publ., 1995. 370 p.
2. Korolev S. A. [Pseudomorphosis as a type of development: the case of Rossi]. In: *Filosofiya i kul'tura* [Philosophy and culture], 2009, no. 6, pp. 72–85.
3. Lepekhin V. A. ["Anthropological coup" in the context of the civilizational development of Russia and Europe in the world]. In: *Sotsial'no-gumanitarnoe obozrenie* [Social and humanitarian review], 2016, no. 2, pp. 116–123.
4. Lotman Yu. M. *Kul'tura i vzryv* [Culture and explosion]. Moscow, Progress, Gnosis Publ., 1993. 272 p.
5. [Centenary of the Russian Revolution in the Context of Social Stability and Security Problems: Materials of the All-Russian Round Table]. In: *Filosofskie issledovaniya i sovremennost. Vyp. 5* [Philosophical research and modernity]. M., 2017, pp. 292–322.
6. *Strategiya ustoichivogo razvitiya v kontekste politicheskikh protsessov XXI stoletiya: kollektivnaya monografiya* [Sustainable Development Strategy in the Context of Political Processes of the XXI Century]. Moscow, Moscow University Press Publ., 2018. 320 p.
7. Trubetskoi N. S. *Nasledie Chingiskhana* [Genghis Khan's legacy]. Moscow, Agraf Publ., 1999. 576 p.
8. Florovskiy G. V. *Puti russkogo bogosloviya* [The paths of Russian theology]. Paris, YMCA-PRESS Publ., 1991. 600 p.
9. *Tsivilizatsiya i modernizatsiya: istoriya i sovremennost* [Civilization and modernization: history and modernity]. Moscow, SSU Publ., 2019. 365 p.
10. Ableev S. R., ed. *Tsivilizatsionnyi suverenitet Rossii: problemy i diskussii* [Civilizational sovereignty of Russia: problems and discussions]. Moscow, IPL Publ., 2018. 213 p.
11. Shpengler O. *Zakat Evropy. T. 2.* [Sunset of Europe. Vol. 2]. Moscow, Thought Publ., 1998. 592 p.
12. Bondareva Ya. V. *Teoretiko-metodologicheskie osnovy russkoi religioznoi filosofii: istoriko-filosofskii analiz. dis. ... dokt. filos. nauk* [Theoretical and methodological foundations of Russian religious philosophy: historical and philosophical analysis: PhD thesis in Philosophy science]. Moscow, 2011. 325 p.
13. Abrosimova T. Ya., Bondareva Ya. V. [Post-nonclassical paradigm and spiritual and moral foundations of modernization of education in Russia]. In: *Sovremennoe dopolnitel'noe professional'noe pedagogicheskoe obrazovanie* [Modern additional professional pedagogical education], 2015, vol. 1, no. 4 (4), pp. 16–26.
14. Maikova E. Yu., Bondareva Ya. V. [The future autonomy of the individual as a risk: ways to protect yourself]. In: *Vlast' [Power]*, 2015, no. 8, pp. 22–26.
15. Rakityanskiy N. M., Kolesnichenko Yu. V. [The potential of the Russian philosophical and psychological school and the methodology for portraying the personality of a politician]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki* [Moscow University Bulletin. Series 12: Political Sciences], 2014, no. 6, pp. 7–30.
16. Berkut V. P., Bondareva Y. V., Kostyukova T. A., Maikova V. P., Molchan E. M., Pesotsky V. A. The problem of society consolidation in the era of globalization: methodological and axiological aspects. In: *Modern Journal of Language Teaching Methods*. 2018. Vol. 8. no. 5. pp. 263–281.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Золкин Андрей Львович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя;
e-mail: az20042004@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andrey L. Zolkin – Dr. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Prof., Department of Philosophy, Moscow University of the MIA of Russia named after V. J. Kikot;
e-mail: az20042004@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Золкин А. Л. Псевдоморфоз, суперпозиция моделей культуры и цивилизационный синтез // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2021. № 2. С. 23–30.
DOI: 10.18384/2310-7227-2021-2-23-30

FOR CITATION

Zolkin A. L. Pseudomorphism, Superposition of Cultural Models and Civilizational Synthesis. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2021, no. 2, pp. 23–30.
DOI: 10.18384/2310-7227-2021-2-23-30